

Чаго табе, певень?) (J. L. Vilallonga. Fiesta)» [4, с. 11]. Такая формула размовы не адпавядае нормам маўленчага этыкету беларусаў і можа выкарыстоўвацца толькі з мэтай пакрыўдзіць чалавека. У іспанскай мове слова *gallitos* (літ. ‘пеўнічкі’) у значэнні ‘забіякі’ ўжываецца ў якасці звароту да дзяцей.

Такім чынам, у беларускіх і іспанскіх фразеалагічных адзінках знайшло адлюстраванне светаўспрыманне асобы праз прызму метафары, што ўзнікла на аснове назіранняў за звычкамі і паводзінамі птушак, сталых асацыяцый, якія характэрны для беларусаў і іспанцаў. У беларускіх і іспанскіх фразеалагізмах вобраз курыцы рэпрэзентуецца як аб’ект для насмешак і пагарды. У аснову фразем з лексмай *певень* у беларусаў пакладзены наступныя ўяўленні: *певень* – сонечны кругазварот, прадвеснік раніцы, увасабленне ваяўнічасці і задзірыстасці, ганарлівасці і непакорлівасці. У іспанскай мове фразеалагізуюцца такія якасці *пеўня*, як *ваяўнічасць*, *бойкасць*. Вобраз *пеўня* асацыіруецца з рэвалюцыянерам, чалавекам нязломнага духу, што звязана, у першую чаргу, з традыцыяй *пеўневых баёў*. Шмат увагі ў іспанскай фразеалогіі надаецца голасу *пеўня*, які сімвалізуе ўдачу.

Літаратура

1. *Анисов Л. М.* Славянская мифология. М., 1995.
2. *Гаўрыловіч В. Г.* Метафарызацыя найменняў птушак у фразеалагізмах беларускай і англійскай моў // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння (да 95-годдзя з дня нараджэння прафесара Ф. М. Янкоўскага): Зб. навук. арт. Мн., 2013. С. 215–217.
3. Испанско-русский фразеологический словарь / Э. И. Левинтова, Е. М. Вольф, Н. А. Мовшович, I. А. Будницкая. М., 1985.
4. *Кутьева М. В.* Национально-культурная специфика переносных значений орнитонимов в русском и испанском языках. М., 2009.
5. *Лепешаў І. Я.* Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: У 2 т. Мн., 1993.
6. *Моисеенко Л. В.* Параметры концепта как основание систематизации лингвокультурологических знаний. М., 2007.
7. Прыказкі і прымаўкі: У 2 кн. / Пад рэд. А. С. Фядосіка. Мн., 1976.
8. *Садоўская А. Л.* Фразеалагізмы з кампанентам-арнітонімам у беларускай мове: этналінгвістычны аспект. Мн., 2011.

СТРУКТУРНО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕРМИНОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА В НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

А. И. Федоринчик

Одной из важнейших задач современного языкознания является проблема изучения терминологии. Существует множество работ, в которых

рассматривается само понятие термина, его лингвистические и семантические составляющие, раскрывается содержание этого понятия (работы В. П. Даниленко, С. П. Хижняка, О. С. Ахмановой и др.).

Вслед за Н. Н. Лантюховой, О. В. Загоровской, Т. А. Литвиновой [2, с. 44] мы понимаем под термином слово или словосочетание, соотнесенное со специальным понятием, явлением или предметом в системе какой-либо области знания. Важнейшими признаками терминологических языковых единиц мы считаем прежде всего соотнесенность с определенным научным понятием, точность и системность.

Материалом исследования послужили немецкие термины уголовного кодекса ФРГ [4] в количестве 100 терминологических единиц (ТЕ), отобранные методом сплошной выборки.

Мы провели классификации юридических терминов на основе типологий, разработанных лингвистами. Первая классификация основана на структурном критерии. В соответствии с ним лингвисты выделяют два структурных типа терминов: 1) термины-слова; 2) термины-словосочетания [1, с. 77].

Классификация белорусских, русских и немецких уголовно-правовых терминов по структурному критерию позволяет сделать следующие выводы:

- в уголовном кодексе Германии термины-слова составляют 69 % от общей выборки (69 ТЕ), например: *die Landesverteidigung*, *die Untersuchungshaft*;
- термины-словосочетания составляют 31 % от общей выборки (31 ТЕ), например: *die Verhängung einer Strafe*, *Wiederverleihung von Fähigkeiten und Rechten*.

Таким образом, в уголовном кодексе ФРГ термины-слова составляют большую часть и превышают количество терминов-словосочетаний в два раза. Обратная тенденция наблюдалась относительно переводных соответствий в русском и белорусском языках:

- в русском и белорусском языках термины-слова составляют 16 % от общей выборки (16 ТЕ), например: *наказуемость* (рус.), *каральнасць* (бел.), *невменяемость* (рус.), *бессвядомасць* (бел.);
- термины-словосочетания составляют 84 % от общей выборки (84 ТЕ), например: *измена родине* (рус.), *зрада радзіме* (бел.), *средства существования* (рус.), *сродкі існавання* (бел.).

Далее нами были рассмотрены основные способы образования немецкой терминологии уголовного права. Термины исследуемой выборки представляют собой следующие структурные типы:

- простые – 13 % (13 ТЕ), например: *die Strafbarkeit*, *die Besserung*;
- сложные – 56 % (56 ТЕ), например: *das Rechtsgut*, *der Hochverrat*;

- двух- и более компонентные терминологические сочетания (ТС) – 23 % (23 ТЕ), например: *die politische Verdächtigung, die zeitliche Geltung*;
- фразовые термины – 8 % (8 ТЕ), например: *Wiederverleihung von Fähigkeiten und Rechten, Zusammentreffen von Milderungsgründen*.

Таким образом, анализ языкового материала показал, что основным способом образования немецких терминов уголовного права является словосложение – 56 % от общей выборки. Распространенность такого способа терминообразования как словосложение в немецком языке объясняется мотивированностью сложных слов, их способностью устранять нежелательную многозначность.

Структурный анализ простых терминов в немецком языке позволяет сделать следующие выводы:

- префиксально-суффиксальная группа оказалась самой употребительной в исследуемой выборке и представлена 7 ТЕ, что составляет 53,8 % от общего объема простых терминов, например: *die Verstümmelung, die Vernehmung*;
- суффиксальная группа представлена 5 ТЕ (38,5 %), например: *die Besserung, die Strafflosigkeit, die Täterschaft*;
- префиксальная группа включает 1 ТЕ (7,7 %): *der Verfall*.

На втором месте по способу терминообразования в немецкой терминологии уголовного права находятся двух- и более компонентные терминологические сочетания (ТС), которые в исследуемой выборке составляют 23 % от общего числа терминов (23 ТЕ).

Наиболее распространенным структурным типом являются двухкомпонентные атрибутивные ТС, соответствующие модели «Adj + N», например: *zeitliche Geltung, rechtswidrige Tat*. Другим распространенным структурным типом является модель «N + N» с определяющим элементом, представленным существительным в родительном падеже, например: *die Verhängung einer Strafe, Aussetzung des Strafrechts*.

Менее продуктивными являются следующие модели, по которым строятся терминологические системы: «V + N» (*Straftat begehen, Strafe mildern*); «Part + N» (*sicherheitsgefährdende Abbildung*); «Adj + Adj + N» (*besonderer gesetzlicher Milderungsgrund*), «Adv + Part + N» (*wechselseitig begangene Straftat*), «Adj + N + Adj + N» (*mehrfache Anordnung der gleichen Maßregeln*).

Во фразовых терминах синтаксические отношения выражаются с помощью предлогов или союзов. В данной выборке фразовые термины составляют 8 ТЕ (8 % от общего количества терминов). Синтаксические отношения между компонентами данного вида терминов выражены предлогами *von, mit, in, gegen*. Например: *Wiederverleihung von Fähigkeiten und Rechten, Verwarnung mit Strafvorbehalt, Unterbringung in*

der Sicherungsverwahrung, Widerstand gegen Vollstreckungsbeamte. Стоит отметить, что фразовые терминологические сочетания с предлогом *von* являются самыми продуктивными, поскольку они выражают основные понятия уголовного права, характеризующие отношения принадлежности, а также уголовной деятельности.

Анализ русских и белорусских терминов-слов был произведен с целью определить наиболее продуктивный способ их словообразования. Суффиксация оказалась наиболее часто встречающимся способом морфологического образования русских и белорусских терминов. При этом мы выделили несколько наиболее продуктивных словообразовательных суффиксов, а вместе с ними – словообразовательных типов и словообразовательных значений [3, с. 135]:

- *-ость* (рус.) / *-асць* (бел.) (со словообразовательным значением непроецессуального признака): *наказуемость, каральнасць; невменяемость, бессвядомасць*;

- *-ни(j)-е, -ени(j)-е* (рус.) / *-енн(j)-е, -анн(j)-е* (бел.) (со словообразовательным значением ‘обобщенное, вещественное или собирательное понятие, являющееся результатом действия, имевшего место в прошлом’): *исправление, выпраўленне; неисполнение, невыкананне*;

- *-ств-о* (рус.) / *-цтва-а* (бел.) (со словообразовательным значением процессуального признака): *членовредительство, членашкодніцтва*.

Префиксация как способ словообразования оказалась в материале выбранных терминов-слов на втором месте по степени частотности. При этом мы объединили термины по тем префиксам, с помощью которых они были образованы:

- *не-, без-* (рус.) / *не-, бес-* (бел.) (со словообразовательным значением отсутствия признака или противоположности тому, что названо мотивирующим словом): *неисполнение, невыкананне; невменяемость, непрытомнасць; безнаказанность, беспанакаранасць*;

Также встречались единичные случаи употребления приставок *ис-* (рус.) / *вы-* (бел.): *исправление, выпраўленне*.

Сложение оказалось не очень продуктивным для выбранного материала способом образования новых терминологических единиц русского и белорусского языков. Встретились следующие примеры разновидности сложения – суффиксально-сложного способа словообразования: *членовредительство, членашкодніцтва*.

Анализ русских и белорусских терминов-словосочетаний с точки зрения их состава показал, что 52,4 % (44 ТЕ) составили термины-словосочетания, состоящие из двух слов, например: *противоправное действие, проціпраўнае дзеянне*. К таковым мы относили и сочетания,

содержащие в своем составе, помимо двух знаменательных лексем, предлоги и союзы. 21,4 % от общего числа исследуемых терминов-словосочетаний (18 ТЕ) составили сочетания из трех слов, например: *лишение водительских прав, пазбаўленне вадзіцельскіх правоў*. 9,6 % (8 ТЕ) составили термины-словосочетания, состоящие из четырех компонентов. В этой группе можно привести следующие примеры: *совокупность смягчающих наказание обстоятельств, сукупнасць змякчальных пакаранне абставін*. Сочетания с пятью лексемами составили 8,3 % (7 ТЕ), например: *обман с целью получения денежной помощи, падман з мэтай атрымання грашовай дапамогі*. 8,3 %, (7 ТЕ) составили русские и белорусские термины-словосочетания, которые не совпадают по количеству лексем, например: *пожизненное лишение свободы; пажыццёвае зняволенне; отношения, угрожающие миру; адносіны, якія пагражаюць міру*.

Таким образом, анализ немецких уголовно-правовых терминов и их соответствий в русском и белорусском языках позволяет выявить существенные структурно-морфологические различия.

Литература

1. Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М., 1977.
2. Лантюхова Н. Н., Загоровская О. В., Литвинова Т. А. Термин: определение понятия и его сущностные признаки // Вестн. Воронеж. ин-та ГПС МЧС России. № 1. 2013. С. 42–45.
3. Русская грамматика. Т 1. М., 1998.
4. Strafgesetzbuch (StGB) in der Fassung der Bekanntmachung vom 13. November 1998. Интернет-адрес: <http://www.gesetze-im-internet.de/stgb>.

КАНЦЭПЦЫЯ СВЕТУ І ЧАЛАВЕКА Ё АПАВЯДАННІ ЖАНА ЖЫАНО «ЧАЛАВЕК, ЯКІ САДЖАЎ ДРЭВЫ»

Х. А. Філіповіч

Другая сусветная вайна – самая знішчальная ў гісторыі чалавецтва. Яна была найбуйнейшым ваенным канфліктам насельніцтва зямнога шара. Ваенная тэматыка і звязаныя з ёй праблемы з’яўляюцца істотнай часткай сусветнай літаратуры XX стагоддзя. Але кожная краіна, кожны народ перажыў яе па-рознаму. Велізарныя ахвяры і каласальныя сацыяльныя патрасенні выклікалі песімізм, расчараванне, абіякавасць да жыцця. Але ж вайна – гэта рэальнасць жыццёвага вопыту, а ўспрыманне яе – з’ява індывідуальная. У цэлым літаратура адмоўна ставіцца да вайны, успрымаючы яе як бесчалавечую з’яву, але менавіта